

КРІ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКОЙ В СОЦИАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЯХ МОЛОДЕЖИ

И. С. Шаповалова^а

^а Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Белгород, Россия)

АННОТАЦИЯ

Введение. Изучение социальных стратегий региональной молодежи способствует повышению вероятности достижения стратегически важных показателей развития российских регионов и повышению эффективности реализации государственной молодежной политики в условиях геополитической турбулентности и идеологического кризиса. Целью статьи является определение индикаторики ключевых показателей эффективности деятельности органов, развивающих молодежную политику на территории российских регионов, отраженных в социальных стратегиях.

Материалы и методы. В статье показаны результаты мониторинга «Социальные стратегии молодежи», проведенного в ноябре 2024 года. Респондентами онлайн-опроса стала региональная молодежь в количестве 5847 человек, выборка квотная по отношению к полу, возрасту, типу поселения и территории проживания респондентов (районы региона).

Результаты исследования. Результатом исследования стала оценка отражения ключевых показателей эффективности деятельности органов региональной власти в социальных стратегиях молодежи. Была дана оценка показателям доверия молодежи к социальным институтам и субъектам; отношению к ожидаемой продолжительности жизни; вовлеченности молодежи в физкультуру и спорт; стремлению к постоянному образованию и самообразованию. Определены группы молодежи, вовлеченные в волонтерские мероприятия, занимающиеся предпринимательской деятельностью, группы, исключенные из системы поддержки талантов. На основе оценок молодежи было определено качество окружающей и городской среды, уровень цифровизации социальной сферы региона, построена культурная карта досуга молодежи.

Обсуждение. Выявлены определенные проблемы, связанные с ориентацией молодежи на небольшую продолжительность жизни, невысокую включенность в системные занятия физкультурой и спортом, недостаточную направленность на постоянное образование, низкую вовлеченность молодежи в предпринимательство, недостаточную готовность к потенциальным экономическим инвестициям в регион. Все эти проблемные зоны обозначают задачи по целенаправленному воздействию органов управления молодежной политикой формирования и реализации социальных стратегий молодежи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Молодежь, социальные стратегии, ключевые показатели эффективности, управление молодежной политикой.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена при финансовой поддержке государственного задания FZWG-2023-0016, тема «Жизненные стратегии молодежи в условиях геополитической трансформации российского пространства».

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Шаповалова И. С. КРІ деятельности региональных органов управления молодежной политикой в социальных стратегиях молодежи // Вопросы управления. 2025. Т. 19, № 2. С. 117–136. EDN JOFNFR.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шаповалова Инна Сергеевна – доктор социологических наук; Белгородский государственный национальный исследовательский университет (308015, Россия, Белгород, ул. Победы, 85) – *заведующий*

© И. С. Шаповалова, 2025

Open Access This article is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License, which permits use, sharing, adaptation, distribution and reproduction in any medium or format, as long as you give appropriate credit to the original author(s) and the source, provide a link to the Creative Commons license, and indicate if changes were made.

кафедры социологии и организации работы с молодежью; shapovalova@bsuedu.ru. SPIN 2477-0791, ORCID 0000-0002-2855-8968, Scopus ID 56728382600, Researcher ID R-6955-2016.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила: 20.02.2025; рецензия получена: 14.04.2025; принята к публикации: 20.05.2025.

RESEARCH ARTICLE

MANAGEMENT BODIES YOUTH REGIONAL POLICY KPI ACTIVITIES IN SOCIAL YOUTH STRATEGIES

I. S. Shapovalova ^a

^a Belgorod State National Research University
(Belgorod, Russia)

ABSTRACT

Introduction. The study of social strategies of regional youth contributes to increasing the probability of achieving strategically important indicators of the development of Russian regions and increasing the effectiveness of the implementation of state youth policy in the context of geopolitical turbulence and ideological crisis. The purpose of the article is to determine the indicators of key performance indicators of bodies developing youth policy in the territory of Russian regions, reflected in social strategies

Materials and methods. The article shows the results of the monitoring research «Social Strategies of Youth», conducted in November 2024, the respondents of the online survey were regional youth in the amount of 5847 people, the sample is quota in relation to gender, age, type of settlement and territory of residence of respondents (regional districts).

Research results. The results of the study were an assessment of the reflection of key performance indicators of regional authorities in social strategies of youth. An assessment was made of the indicators of youth trust in social institutions and entities, attitudes towards life expectancy, youth involvement in physical education and sports, the desire for continuous education and self-education. The groups of young people involved in volunteer activities, engaged in entrepreneurial activities, and groups excluded from the talent support system were identified. Based on the assessments of young people, the quality of the surrounding and urban environment, the level of digitalization of the social sphere of the region were determined, and a cultural map of youth leisure was built.

Discussion. Certain problems associated with the orientation of young people to a short life expectancy were identified, and, as an associated indicator, low involvement in systematic physical education and sports, insufficient focus on continuous education, low involvement of young people in entrepreneurship, and insufficient readiness for potential economic investments in the region. All these problem areas indicate tasks for the targeted influence of youth policy management bodies on the formation and implementation of social strategies for young people.

KEYWORDS

Youth, social strategies, key performance indicators, youth policy management.

ACKNOWLEDGMENTS

The article was prepared with the financial support of the state task FZWG-2023-0016, the topic «Life strategies of youth in the conditions of geopolitical transformation of the Russian space».

FOR CITATION

Shapovalova, I. S. (2025) KPI of the activities of regional youth policy management bodies in social strategies for youth. *Management Issues*, 19 (2), 117–136. <https://elibrary.ru/jofnfr>.

AUTHORS' INFORMATION

Inna S. Shapovalova – Doctor of Sociological Sciences; Belgorod State National Research University (85 Pobedy Street, Belgorod, 308015, Russia) – *Head of the Department of Sociology and Organization of Work with Youth*; shapovalova@bsuedu.ru. SPIN 2477-0791, ORCID 0000-0002-2855-8968, Scopus Author ID 56728382600, Researcher ID R-6955-2016.

The author declare about interest conflict lack

The article was submitted 20.02.2025; reviewed 14.04.2025; accepted for publication 20.05.2025.

■ ВВЕДЕНИЕ

Выбор жизненных ориентиров и социальных стратегий молодыми людьми во многом определяет будущее России. Возможность реализации национальных стратегий и программ (2030, 2050) полностью определяется жизненной перспективой сегодняшних выпускников школ, сузов и вузов. Именно поэтому важным субъектом в управлении воспроизводства человеческого капитала становятся органы управления молодежной политикой. Вертикаль этих органов, безусловно, определяет перспективные задачи каждого элемента, одновременно реализуя цели, стоящие перед федерацией в обеспечении качества, эффективности использования человеческого капитала в лице молодежи.

Российские регионы становятся флагманами и активными участниками в реализации федеральной модели государственной молодежной политики на региональном уровне. Расширение инфраструктурного и кадрового обеспечения управления ГМП, внедрение инновационных форм работы с молодежью, повышенный интерес и внимание к раскрытию и использованию молодежного потенциала – все это стало приоритетными ориентирами в стратегии развития регионов. Активное участие в решении задач и реализации приоритетных направлений ГМП в регионах связано в том числе и с пониманием важности научной организации управленческого процесса в этой сфере. Обеспечение научной основы принятия управленческих решений в области организации работы с молодежью в региональном пространстве обуславливает необходимость глубинной диагностики процессов и проблем молодежной среды. И одним из важнейших аспектов здесь становится вопрос исследования социального планирования молодежи как фундаментального процесса формирования социальных стратегий и диспозиций молодого человека. Изучение социальных стратегий региональной молодежи способствует повышению вероятности достижения стратегически важных показателей развития российских регионов и повышению эффективности реализации государственной молодежной политики в условиях геополитической турбулентности и идеологического кризиса.

Целью статьи является определение индикаторики ключевых показателей эффективности деятельности органов, развивающих молодежную политику на территории российских регионов, отраженных в социальных стратегиях молодежи.

■ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В рассмотрении вопросов, которые планируется поднять в данной статье, становится важным понимание роли государственной молодежной политики в реализации национальных задач, ее

зон ответственности и ориентиров на перспективные результаты в части воспроизводства всех видов капиталов (экономического, культурного, социального), а также поиск возможности изменения эффективности ее деятельности в контексте системы регионального развития.

Несмотря на то, что акцент на ключевых показателях эффективности региона, куда вносят свой вклад субъекты управления молодежной политикой, возник не так давно, ее значение в развитии важных для государства характеристик молодежи подчеркивается исследователями и ученым постоянно [1]. Ее критической оценке в законодательной и управленческой части посвящены работы А. В. Кочеткова [2], осмыслению проблем и перспектив развития – статьи М. И. Качаловой и А. И. Соловьевой [3].

Вызовы нового времени «пересобирают» существующие смыслы, устанавливают новые требования, новые ориентиры, в том числе и для государственной молодежной политики [4]. Как отмечает А. В. Кочетков, показывая необходимость перехода на интегративную модель управления для государственной молодежной политики, «в России наступил период, когда объективно необходимы институциональные преобразования в вопросах государственной молодежной политики (ГМП). Они предполагают формирование и развитие стройной системы органов по делам молодежи, обеспечивающей координацию усилий государственных органов, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества по реализации ГМП» [5, с. 120].

И в этой связи особую актуальность приобретают работы таких ученых, как Т. К. Ростовская, Ю. А. Зубок, Н. Л. Смакотина, посвященные поиску методологических основ разработки молодежной политики [6; 7; 8], изучению ключевых проблем ее реализации в условиях российских регионов [9; 10]. Соединение методологических основ с интегральной ответственностью социальных субъектов за задачи в реализации ключевых показателей развития региона, обуславливает подход к обоснованию восприятия понятия и показателей эффективности в деятельности органов управления государственной молодежной политикой. Нельзя сказать, что в этом отношении существует единство мнений. Безусловно, самым первым уровнем оценки (если говорить о социальной технологии как таковой) можно было бы назвать ориентацию на мнение «ключевых пользователей» – а именно молодежи, которая могла бы оценить мероприятия молодежной политики по всем направлениям, показать свою вовлеченность в них и заинтересованность в дальнейшем участии, сформулировать проблемный компонент [11], а также собственно оценки показателей вовлеченности

и заинтересованности молодежи в реализации молодежной политики [12].

Интересный ракурс в восприятии данного вопроса преподносит авторский коллектив А. В. Алейникова, Д. А. Мальцевой, П. Р. Тузова, которые предлагают в качестве нового инструмента оценки ГМП аудит молодежной политики, понимаемый «как проверка на соответствие ее целей и методов задачам социализации молодежи, ее адаптации в рискогенном социуме в условиях глобального информационного противоборства и оценки рисков» [13, с. 133]. И, безусловно, важны работы, предлагающие направления изменения существующей ситуации в реализации молодежной политики [14].

Для поиска новых подходов к оценке эффективности деятельности органов управления молодежной политикой был проведен анализ зарубежных источников и исследований. Стоит отметить, что в своей основе взгляды на государственную молодежную политику и проблемы в ее исследовании и оценке несколько различаются у западных и отечественных ученых. Так, например, вопрос об отсутствии молодежной политики как нарушение прав человека поднимается бразильскими учеными W. Timóteo, I. de Matos Oliveira [15], трудности формирования политики в условиях неблагоприятной политической обстановки освещаются учеными А. Martínez-Reyes, J. J. Navarro-Pérez (по отношению к Сальвадору) [16] и А. Snellinger (по отношению к Непалу) [17], и, возможно менее злободневными, но не менее актуальными становятся исследования изменения молодежной политики в Великобритании после политической трансформации, представленные G. Nikiporets-Takigawa [18].

Вопрос дискриминации определенных групп молодежи (в частности, сельской) в контексте участия в молодежной политике поднимают в своей статье ученые из Зимбабве, где этот вопрос очень актуален [19]. Зарубежные авторы достаточно часто обращаются к проблемам включения молодежи из социально уязвимых групп в молодежную политику [20; 21], поиску форм поддержки и помощи, которую можно оказать неблагополучной молодежи [22; 23]. Поднимаются и вопросы трудоустройства молодежи посредством участия органов управления молодежной политикой, данная проблема стоит достаточно остро в Великобритании [24].

Несмотря на проблемный акцент в дискурсе по данной теме, ее социальную и практическую направленность в зарубежных исследованиях, нельзя не отметить работы, в которых предпринимаются попытки концептуализации управления молодежной политикой [25], поиска

путей соединения интересов всех участников реализации молодежной политики (от органов управления до непосредственно целевых молодежных групп) [26], формулировки предложений по использованию ресурсного подхода к молодежной политике, позволяющего получить «новую молодежь» (например, в статье шотландских ученых E. Davidson и E. Carlin [27]), а также (как и у отечественных ученых) получение молодежного отклика в оценках молодежной политики [28; 29], в том числе и посредством сравнительного анализа таких оценок (в аспекте включенности молодых людей в деятельность и мероприятия) для молодежи разных стран [30].

Таким образом, в концептуальных изысканиях и эмпирических исследованиях мы видим более системный подход к оценке деятельности органов управления молодежной политикой со стороны российских ученых и более проблемный (практикоориентированный, результативный, соединяющий молодежную политику с социальной работой) со стороны зарубежных исследователей. На наш взгляд, и тот, и другой ракурс восприятия данной деятельности не дают возможности рассматривать управление молодежной политикой как часть общей системы управления национальным капиталом, гармонично включить ее в реализацию задач государственного (и территориального) управления.

В данной статье мы хотели бы рассмотреть деятельность органов управления молодежной политикой через включение их в достижение показателей эффективности развития региона, отраженных в социальных стратегиях региональной молодежи. Под социальными стратегиями мы понимаем «субъективную систему жизненного проектирования, связанную с жизненными ориентирами и отражающую основные стратегические диспозиции, модели поведения, факторы принятия решений, стратегические планы, барьеры их реализации, требуемые ресурсы и их оценку, проблемный компонент» [31]. В этой исследовательской логике основные индикаторы определены исходя из контролируемых показателей эффективности для органов управления регионом в соединении с основными стратегиями молодежи (в исследовательской модели были верифицированы показатели экономических, политических, общественных, карьерных, миграционных, образовательных, самосохранительных, досуговых, коммуникативных, духовно-нравственных и самореализационных стратегий молодежи), за поддержку в реализации которых отвечают органы управления молодежной политикой (таблица 1).

Таблица 1 – Ключевые показатели эффективности региональных органов управления молодежной политикой в социальных стратегиях молодежи**Table 1** – Key performance indicators of regional youth policy management bodies in youth social strategies

Наименование показателя	Ед. измерения	Социальные стратегии молодежи
Доверие к власти (доверие к Президенту Российской Федерации, высшим должностным лицам субъектов Российской Федерации, уровень которого определяется в том числе посредством оценки общественного мнения в отношении достижения в субъектах Российской Федерации национальных целей развития Российской Федерации)	Процент	Политические стратегии
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	Лет	Самосохранительные стратегии
Доля граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом	Процент	Самосохранительные стратегии
Уровень образования	Процент	Образовательные стратегии
Эффективность системы выявления, поддержки и развития способностей и талантов у детей и молодежи	Процент	Самореализационные стратегии
Доля граждан, занимающихся добровольческой (волонтерской) деятельностью	Процент	Общественные стратегии
Условия для воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности	Процент	Духовно-нравственные стратегии
Число посещений культурных мероприятий	Млн единиц	Досуговые стратегии
Качество городской среды	Коэффициент	Миграционные стратегии
Качество окружающей среды	Коэффициент	Самосохранительные стратегии
Темп роста (индекс роста) физического объема инвестиций в основной капитал, за исключением инвестиций инфраструктурных монополий (федеральные проекты) и бюджетных ассигнований федерального бюджета	Процент	Экономические стратегии
Численность занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей и самозанятых	Тысяч человек	Экономические стратегии, карьерные стратегии
«Цифровая зрелость» органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и организаций в сфере здравоохранения, образования, городского хозяйства и строительства, общественного транспорта, подразумевающая использование ими отечественных информационно-технологических решений	Процент	Коммуникативные стратегии

Таким образом, объектом предлагаемого исследования являются социальные стратегии молодежи, предметом же исследования становится отражение ключевых показателей эффективности деятельности региональных органов управления молодежной политикой в социальных стратегиях молодежи.

Показатели индикаторов КРІ для органов управления молодежной политикой были получены из данных мониторинга «Социальные стратегии молодежи», который Международный центр социологических исследований Белгородского государственного национального исследовательского университета осуществляет с 2018 года.

В статье показаны результаты последней волны, проведенной в ноябре 2024 года, респондентами онлайн-опроса стала региональная молодежь Белгородской области в количестве 5847 человек, выборка квотная по отношению к полу, возрасту, типу поселения и территории проживания респондентов (районы Белгородской области). Дополнительным квотным признаком в исследовании выступали группы молодежи (учащаяся, студенческая и работающая). В исследовательской концепции 2024 года было определено и изучено 12 социальных стратегий: экономические, политические, семейные, общественные, досуговые, карьерные, образовательные, миграционные, духовно-нравственные, самосохранительные, коммуникативные, самореализационные. Данные предыдущих лет мониторинговых замеров социальных стратегий региональной молодежи можно найти в публикациях коллектива Центра [31; 32; 33 и др.].

■ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

С позиции определения ключевых показателей эффективности планирования и реализации социальных стратегий молодежи имеет смысл ориентироваться на ключевые показатели эффективности для региональных органов власти, установленные на федеральном уровне для обеспечения единства воздействия, целенаправленности усилий по влиянию на воспроизводство регионального человеческого капитала и обеспечение качества социальных процессов регионального развития. Для ряда таких показателей данные, полученные путем исследования, могут иметь прямое значение (показывать непосредственную информацию по вопросу), для других – косвенное, или опосредованное – основанное на восприятии молодежи как носителей будущего вклада в региональный человеческий капитал, ее мнения – как результата воздействия общественного мнения и отражения социального настроения и социальной напряженности регионального сообщества, ее планов – как возможных прогнозных результатов развития региона, а также рисков возникновения альтернативных вариантов сценариев такого развития.

В этой связи были рассмотрены все показатели региональной эффективности, возможные к фиксации в индикаторах исследования социальных стратегий молодежи.

Доверие к власти (доверие к Президенту Российской Федерации, высшим должностным лицам субъектов Российской Федерации, уровень которого определяется в том числе посредством оценки общественного мнения в отношении достижения в субъектах Российской Федерации национальных целей развития Российской Федерации). Данный показатель был измерен через политические стратегии молодежи и показал, что в лице губернатора и президента молодежь находит субъектов

высокого доверия (доверие к ним стремится к 70%) (в 2023 году данный показатель не превышал 62%). Если говорить об индексе доверия, который рассчитывается как сумма показателя высокого доверия и 0,5 от показателя среднего доверия, то уровень доверия первым лицам будет выходить на уровень 73–78%. Достаточно ли этого значения как отражения эффективности деятельности данных субъектов? Возможно, стоит говорить о задачах, стоящих по обеспечению таких показателей не менее чем на уровне 80-процентных значений.

По-нашему мнению, для данного показателя эффективности проблемным является то, что невысокий индекс доверия к армии (как гаранту безопасности и символу сегодняшней ситуации) – он составляет чуть более 60%, в то время как высокое доверие к армии отмечают только 50%. Также стоит обратить внимание на девальвацию доверия к церкви – только 40,9% говорят о высоком доверии, а индекс доверия составляет только 52%. Существует проблема и с политическими партиями, индекс доверия к которым не превышает 50% для молодежи, что провоцирует вопрос – насколько их деятельность эффективна, если они заслуживают таких низких оценок доверия среди молодых избирателей. В целом стоит отметить, что там, где есть индивидуальная ответственность, личность – доверие молодежи более высоко, чем там, где образом социального института является коллективный субъект.

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении. Показатель был рассмотрен через самосохранительные стратегии молодежи.

Возрастные рубежи дожития как раз показывают те жизненные планы, которые отражают реальную ситуацию восприятия жизненного периода и одновременно дают оценку социальной ситуации – видит ли молодежь смысл в высокой продолжительности жизни? Большая часть молодежи сейчас не устанавливает долгосрочный период жизни и ориентируется на 70-летний рубеж (55,3%) и 80-летний (48,7%) – и данные значения нельзя назвать удовлетворительными, хотя в 2023 году они составляли 53,6% и 43,5% (рисунок 1). В обязательных планах дожитие до 90 и 100 лет остается только у 41,4% и 37,1% (40,87% и 36,5% в 2023 году). Соответственно, можно сделать вывод, что на данный момент общественное мнение, преобладающее среди молодежи, не формируется в концепции активного долголетия и целеустремленного планирования долгой жизни: оценка социальной ситуации и уровня жизни пожилых людей, проживающих до такого возраста, пока не формируют привлекательность такой цели. Но в целом стоит отметить существующую микродинамику на увеличение таких стремлений (буквально 1–3% по отношению к 2023 году) – и в этом отношении даже небольшой шаг можно считать продвижением на пути смены демографического менталитета.

Рисунок 1 – Ответы респондентов на вопрос: «Насколько важно для вас в будущем предпринять следующие шаги?»

Figure 1 – Respondents’ answer to the question: “How important is it for you to take the following steps in the future?”

Доля граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом. Показатель также рассмотрен через самосохранительные стратегии. Молодежь, вовлеченная в спорт, занимающаяся им регулярно составила 42,2% (рисунок 2). Данный показатель нельзя назвать эффективным, так как возрастная динамика даже среди молодежи показывает, что есть его снижение при переходе молодежи в статус

«работающей». Если говорить о планировании в этой области, то, скорее всего, переход за 50%-ный рубеж для молодежи, вовлеченной в систематические занятия физкультурой и спортом, будет являться показателем эффективной работы по этому направлению. Потенциал такого покрытия возможен, так как существует группа в размере 27,7%, которая занимается спортом и физкультурой, но не регулярно.

Вовлеченность молодежи в занятия спортом и физкультурой

Рисунок 2 – Ответы респондентов на вопрос: «Можно ли сказать, что Вы систематически занимаетесь физической культурой и спортом?»

Figure 2 – Respondents’ answer to the question: «Can we say that you regularly engage in physical culture and sport?»

Качество окружающей среды. Качество среды является важным условием возможности реализации самосохранительных стратегий молодежи. Показатель качества среды был разделен на четыре уровня, каждый из которых имел трансформирующиеся индикаторы состояния воздуха и воды, озеленения территории, отношения к мусору и отходам, возможностей для прогулок и занятий спортом, благотворности влияния среды на здоровье в целом:

– *отличное качество* – чистый воздух и вода, большое количество зеленых насаждений, правильная утилизация мусора и отходов, есть возможность для пеших прогулок и занятий спортом, среда способствует сохранению здоровья;

– *хорошее качество* – воздух и вода соответствуют норме, есть места с зелеными насаждениями, нет особых нареканий к утилизации мусора и отходов, можно найти место для пеших прогулок и занятий спортом, среда не вредит здоровью;

– *удовлетворительное качество* – бывает так, что воздух не соответствует нормам, есть претензии к качеству воды, мало зеленых насаждений, проблемы с вывозом мусора, мало возможностей для пеших прогулок и занятий спортом, есть угроза для здоровья населения;

– *плохое качество* – воздух имеет определенный запах, возможны выбросы, вредные для дыхания, вода практически не пригодна для использования, только для технических нужд, вывоз

мусора и отходов производится несвоевременно, есть угроза загрязнения окружающей среды, все-речь нарушены экологические условия, наносится серьезный вред здоровью населения.

Качество среды региональной молодежью в основном было оценено как отличное или хорошее, с превалированием отличных оценок (43,4% по отношению к сумме 79,6%) (рисунок 3) – наблюдается положительная динамика по сравнению с 2023 годом (на 5%). Так как показатель в принципе стремится к высокому уровню, для повышения эффективности деятельности органов регионального и муниципального управления (здесь рекомендации могут быть скорее адресованы уже к региональной и муниципальной власти, так как региональные органы управления молодежной политикой не могут прямо влиять на состояние окружающей среды (исключения здесь могут быть установлены в отношении работы экологических молодежных объединений)) стоит поставить задачу (для соответствующих органов), обратить внимание на необходимость повышения качества среды, для превалирования отличных оценок и уменьшения оценок удовлетворительных и плохих в принципе. Органы управления молодежной политикой в своей части ответственности могли бы усилить такие направления, как экологические марши и субботники, и поддержать экологическое волонтерство в регионе.

Качество окружающей среды в оценках молодежи

Рисунок 3 – Ответы респондентов на вопрос: «Оцените, пожалуйста, качество окружающей Вас среды (с позиции экологии и здоровьесбережения)?»

Figure 3 – Respondents' answer to the question: «Please rate the quality of the environment around you (from the standpoint of ecology and health preservation)?»

Уровень образования. Образовательные стратегии молодежи показали, что количество молодежи, ориентированной на образование и постоянное самообразование составляет 63,9% (рисунок 4) – в разрезе национальных задач, и для данного показателя эффективности это значение не является выдающимся – его можно определить, скорее, как низкий уровень таких устремлений, с учетом, что это лишь отражение жизненного плана и образовательных установок. И хотя процент тех, кто ориентируется только на школьный или университетский уровень, незначителен (8,6%), а 67,5%

молодежи ориентированы на получение высшего образования и 28,3% на получение второго высшего образования, но наблюдаемая небольшая отрицательная динамика по отношению к 2023 году акцентирует внимание на возможном снижении интереса к высшему образованию и образованию вообще, что, скорее всего, требует со стороны органов управления молодежной политикой как минимум дополнительной профориентационной работы среди школьников по формированию и поддержанию интереса к получению высшего образования и мотивации к постоянному обучению.

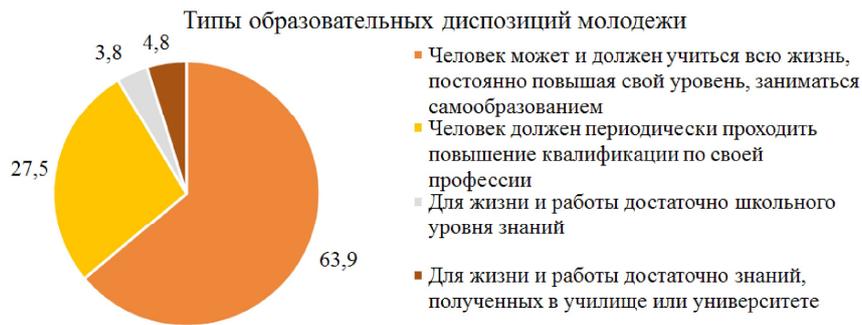

Рисунок 4 – Ответы респондентов на вопрос: «К какой из групп Вы себя относите?»
Figure 4 – Respondents' answer to the question: «Which group do you belong to?»

Эффективность системы выявления, поддержки и развития способностей и талантов у детей и молодежи. О данном показателе стоит судить по группе молодежи, которая считает, что им никто не помог с проблемой раскрытия таланта и способностей (была самоорганизация или помощь друзей, родных и близких или способности до сих пор не раскрыты) и на 2024 год группа таких

молодых людей составляет 54,1% (по отношению к 2023 году произошло снижение этой группы на 4% (с 58,5%)) (рисунок 5). Но размер дефицитной группы по-прежнему достаточно велик, что ставит задачу по актуализации разработки мероприятий и мер выявления и поддержки талантливой молодежи, создания условий для раскрытия способностей и самореализации молодежи как таковой.

Оценка помощи в самореализации

Рисунок 5 – Ответы респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, была ли Вам оказана помощь по выявлению, поддержке и развитию способностей и талантов со стороны педагогов, преподавателей и других специалистов, отвечающих за это?»

Figure 5 – Respondents' answer to the question: «Do you think you were provided with assistance in identifying, supporting and developing your abilities and talents from teachers, lecturers and other professionals responsible for this?»

Доля граждан, занимающихся добровольческой (волонтерской) деятельностью. Данный показатель может быть измерен посредством общественных стратегий и вовлеченности молодежи в волонтерские мероприятия. Несмотря на то, что на постоянной основе занимаются волонтерством посредством работы с общественными организациями порядка 13% молодых людей, в 2024 году участвовали в волонтерских мероприятиях не менее 45% молодежи (в 2023 году таких было 40%). При этом наиболее востребованы были практики, связанные со специальной военной операцией (рисунок 6). Данный

показатель достаточно высок для вовлеченности (именно он показывает эффективность работы органов молодежной политикой в данном направлении), но, если говорить о регулярности волонтерской деятельности, имеет смысл ориентироваться все-таки на 13% – это тот волонтерский ресурс молодежной среды, на который можно действительно рассчитывать. Однако органам управления молодежной политикой следует обратить пристальное внимание на волонтерский потенциал – желание молодежи включиться в те или иные виды волонтерской деятельности в 2024 году достаточно высоко.

Рисунок 6 – Ответы респондентов на вопрос: «Вы лично в течение последнего года делали что-либо из перечисленного ниже добровольно и безвозмездно (исключая помощь членам семьи и близким родственникам)? Готовы ли делать что-либо из перечисленного списка в будущем?» (отвечали все респонденты)

Figure 6 – Respondents' answer to the question: «Have you personally done any of the following things voluntarily and without compensation (excluding assistance to family members and close relatives) over the past year? Are you prepared to do any of the following things in the future?» (all respondents answered)

Условия для воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности. Данный показатель мы видим в рассмотрении типов социальных диспозиций в духовно-нравственных стратегиях. Исходя из динамики представленности типов видно, что появляется «статистическая волна» – происходит небольшое снижение групп молодежи высокой и ситуативной духовности на фоне небольшого роста конформной позиции и низкой духовности (рисунок 7). Существенное превалирование ситуативной духовности говорит о том, что мероприятия по формированию духовно-нравственной культуры (как со стороны образовательных организаций, так и со стороны органов управления молодежной политикой) недостаточно эффективны, а то, что они не принесли изменений в 2024 году, – прежде всего показывает, что и сама система воздействия не изменилась.

В 2024 году были измерены традиционные ценности, а также ценности служения (которые предлагаются как ориентиры в формировании личности молодежи на национальном уровне) – определена их представленность в среде и успешность их интериоризации молодежью региона. В качестве индикаторов в вопросе использовались не сами ценности (их названия), а операционный контекст – были даны ситуации, утверждения, с которыми респонденты могли согласиться или не согласиться. При этом операционализация была проведена в двух направлениях (было предложено два вопроса) – представленность ценностей в среде (месте проживания и месте обучения респондентов) и личная включенность, разделяемость респондентом операционного контекста ценности (в статье мы предлагаем иллюстрацию к данному вопросу). Стоит отметить тот факт, что социальная среда, по оценкам молодежи, успешно

Духовно-нравственные диспозиции молодежи

Рисунок 7 – Ответы респондентов на вопрос: «К какой из групп Вы себя относите?», динамика ответов
Figure 7 – Respondents' answer to the question: «Which group do you belong to?», dynamics of responses»

транслирует все традиционные ценности и ценности служения, создавая тем самым пространство для их успешной интериоризации (отмечено более чем 90% молодежи для каждой ценности). Но, несмотря на насыщенность пространства региона

и образовательных организаций ценностными смыслами, успешность их интериоризации не так очевидна и не превышает 80% в однозначных ответах (рисунок 8).

Интериоризация традиционных ценностей молодежью региона

Рисунок 8 – Ответы респондентов на вопрос: «С какими из следующих утверждений Вы полностью согласны, что из этого является вашим внутренним убеждением?» (предлагались суждения, операционализирующие ценности)

Figure 8 – Respondents' answer to the question: «Which of the following statements do you completely agree with, which of these is your inner conviction?» (judgments were offered that operationalize values)

При этом есть ценности, интериоризируемые наиболее быстро и легко (их полностью разделяет свыше 70% респондентов: ценности жизни, достоинства, свободы, права, нравственности), а есть группа ценностей, интериоризируемая с трудом (их разделяет менее 60% – такие ценности, как служение отечеству и ответственность, приоритет духовного над материальным, коллективизм и ответственность – две последние относятся к ценностям служения). Данная ситуация ставит дополнительные задачи перед органами управления молодежной политикой по поиску мероприятий, позволяющих усвоить ценностные смыслы

– через эмоциональное состояние, «прикосновение» к ним, иные формы интериоризации.

Число посещений культурных мероприятий было определено посредством создания культурно-досуговой карты молодежи области. На данной карте превалирует гастрономический и спортивный досуг (как постоянные формы) – по сути, это нерегулируемые формы, основанные на самоорганизации молодежи, но в 2024 году спортивный досуг вышел на первое место – это в том числе работает на такой показатель эффективности, как вовлеченность молодежи в спорт (рисунок 9).

Досуговая карта региональной молодежи

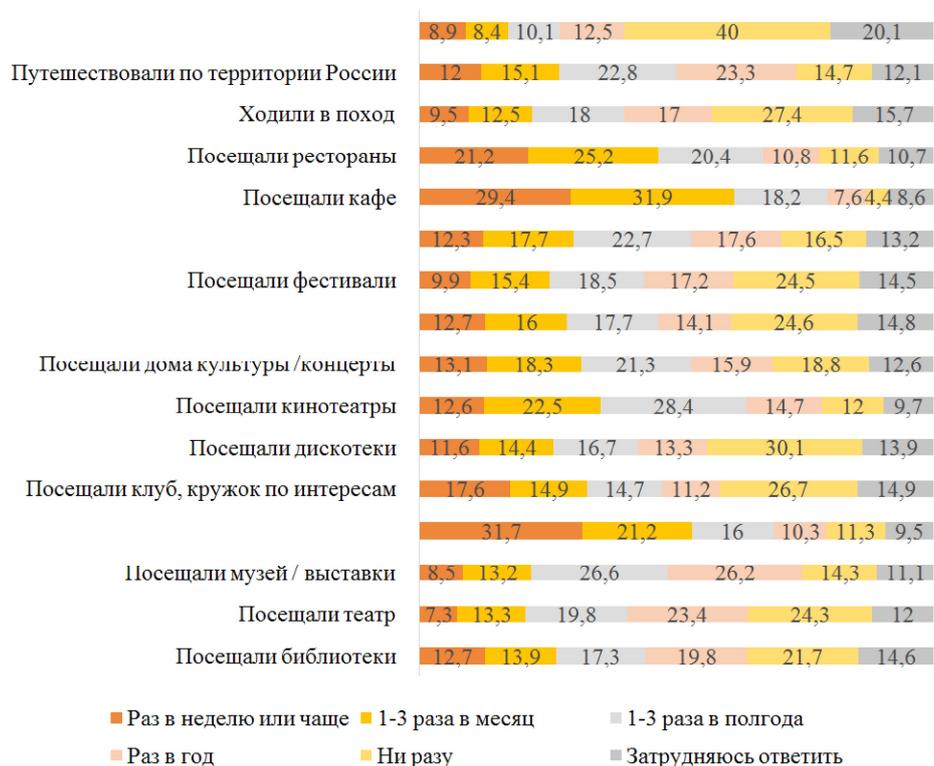

Рисунок 9 – Ответы респондентов на вопрос: «Как часто Вы в последний год ...?»
Figure 9 – Respondents' answer to the question: «How often in the last year have you ...?»

Качество городской среды. Показатель был оценен через миграционные стратегии, был основан на уровне оценки (четыре уровня качества городской среды), где трансформировались индикаторы развитости инфраструктуры, технологизации, благоустройства, чистоты, комфортности условий для учебы, работы и проживания в целом:

– *отличное качество* – развита инфраструктура, высокий уровень современных технологий, благоустройства, чистоты, много мест, интересных для молодежи – приятно жить, учиться и работать;

– *хорошее качество* – многое делается для развития территории, благоустраивается, содержится в относительном порядке, есть ориентация на молодежь;

– *удовлетворительное качество* – есть претензии к объектам инфраструктуры, для молодежи мало мест для досуга и творчества, чистота и благоустройство оставляют желать лучшего;

– *плохое качество* – для благоустройства территории практически ничего не делается, молодежи некуда пойти, грязно – в таком месте неприятно жить, хочется его покинуть.

Превалирующим выбором стал второй уровень (оценка хорошо), но разница между первым и вторым уровнем в выборе незначительная (1,3%). В совокупности с высоким (первым) уровнем выбор положительной оценки качества городской среды составил 83,5%. Так как качество городской среды является одним из факторов, влияющих на миграционный потенциал (особенно молодежи), задачами для всех органов управления становится

создание таких условий, которые позволят вывести оценку первого уровня в приоритет и сократить удовлетворительные и неудовлетворительные оценки (на данный момент они составляет 16,5%). Для органов молодежной политики это могут быть в том числе и задачи по организации зон молодежной коммуникации, досуга.

Темп роста (индекс роста) физического объема инвестиций в основной капитал, за исключением инвестиций инфраструктурных монополий (федеральные проекты) и бюджетных ассигнований

федерального бюджета. Данный показатель имеет только косвенную оценку и может быть рассмотрен через потенциальное желание сделать вклад (инвестировать) в свой регион среди молодежи. И группа тех, кто может сделать это безусловно, без выгоды для себя, составила 37,5%. В целом же те, кто готов инвестировать на тех или иных условиях или без них, достигает 69,6% и может косвенно говорить и о внутренней инвестиционной привлекательности региона для молодежной группы (рисунок 10).

Рисунок 10 – Ответы респондентов на вопрос: «Если бы у Вас было достаточно средств, Вы бы могли инвестировать их в развития нашего региона?»

Figure 10 – Respondents' answer to the question: «If you had enough money, could you invest it in the development of our region?»

Численность занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей и самозанятых рассматривалась через вовлеченных в предпринимательство, а также варианты интересных бизнесов и потенциал включения в них молодежи. Преимущество получил бизнес, связанный с услугами – на него ориентированы 17,6% молодежи; он же, как и бизнес, связанный с самозанятостью и малый бизнес, чаще всего реализуется молодежью (более 13%). Средний бизнес как вариант ведения бизнеса занимает второе место по возможности реализации, третьим вариантом стала самозанятость. Менее всего молодежь привлекает производство. Если посмотреть на распределение вовлеченности в бизнес и его направления всей молодежи региона (рисунок 11), то становится ясно, что на данный момент в разные направления вовлечены до 3,2%, но не менее 1,3%, и еще как минимум порядка 14% молодежи желали бы иметь разные варианты бизнеса (показатели практически не изменились по отношению к 2023 году). Учитывая, что в исследовании приняли участие порядка 20% работающей молодежи,

такая доля вовлеченности невысока – таким образом, потенциально достижение данного показателя эффективности для региона может стать проблемным, что требует поиска форм приобщения, вовлечения и поддержки бизнес-идей и проектов со стороны органов управления молодежной политикой.

«Цифровая зрелость» органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и организаций в сфере здравоохранения, образования, городского хозяйства и строительства, общественного транспорта, подразумевающая использование ими отечественных информационно-технологических решений. Данный показатель был оценен через мнение молодежи о цифровизации и информатизации различных сфер региональной среды. Достаточно высоко оценены цифровизация и информатизация таких сфер, как сфера образования (70,4%), государственная и муниципальная служба (69,5%), пассажирский транспорт (68,9%), сфера культуры и спорта (по 68,5%). Менее других определена достаточность цифровизации для сфер общественного питания и сферы здравоохранения

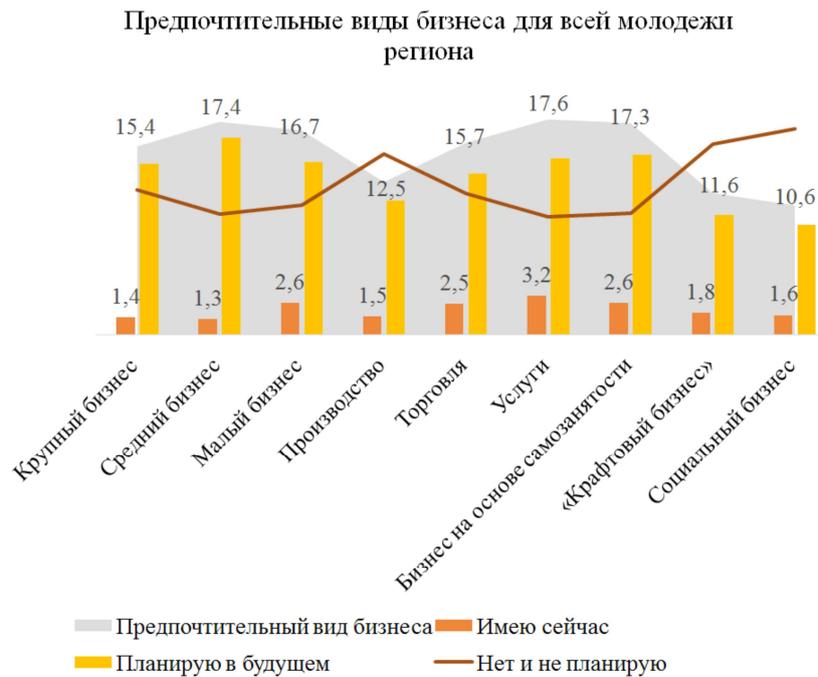

Рисунок 11 – Ответы респондентов на вопрос: «Какой бизнес Вы бы хотели иметь в будущем, а возможно уже имеете его сейчас?», от всего массива молодежи
Figure 11 – Respondents’ answer to the question: «What business would you like to have in the future, or perhaps you already have one now?», from the entire array of young people»

(рисунок 12). Стоит отметить положительную динамику по данному вопросу и одновременно актуализировать задачи для всех органов регионально-го управления – цифровизация жизненных сфер

помимо комфорта показывает соответствие региона требованиям прогресса и выравнивает условия проживания по отношению к мегаполису, что является важным фактором снижения миграции молодежи.

Рисунок 12 – Ответы респондентов на вопрос: «Оцените, пожалуйста, достаточно ли оснащены цифровыми возможностями и информационными технологиями (получение и отслеживание информации, связь, дистанционные услуги) следующие сферы нашего региона в месте Вашего проживания?»
Figure 12 – Respondents’ answer to the question: «Please assess whether the following areas of our region in your place of residence are sufficiently equipped with digital capabilities and information technologies (receiving and tracking information, communications, remote services)?»

Отдельным вопросом исследования стал вопрос о возможности реализации жизненных стратегий – мироощущение молодежи, формируемое на основе оценки ситуации, в том числе и поддержки государства и общества, лакмус для общества неравенства и риска (рисунок 13). Как видно из ответов о низкой возможности реализации определенных стратегических решений, 10,0% видят определенные трудности в возможности решить жилищный вопрос, 9,6% – в возможности

заниматься предпринимательством, 8,9% – найти высокооплачиваемую работу (показатель снизился по отношению к 2023 году на 2%, ранее он занимал первое место). Среди максимально высокой оценки возможностей присутствуют такие стратегические индикаторы, как возможность получить хорошее образование (66,9%), создать семью (65,0%), заниматься физкультурой и спортом (67,0%) – все эти возможности увеличены по отношению к прошлому году на 2–3%.

Рисунок 13 – Ответы респондентов на вопрос: «Как вы оцениваете свои возможности (если вы их реализовали, отметьте их как высокие)?»

Figure 13 – Respondents’ answer to the question: «How do you rate your capabilities (if you have realized them, mark them as high)?»

■ ОБСУЖДЕНИЕ

Фиксация и анализ динамики показателей социальных стратегий молодежи, позволяющих прямо или косвенно судить о возможном достижении ключевых показателей эффективности деятельности органов управления молодежной политикой региона, показывает зоны проблем и достижений, в том числе и на основе анализа динамики по отношению к 2023 году. Анализ таких зон может стать основой для определения акцентов и направлений (а также рекомендаций) для органов управления молодежной политикой.

Так, например, по показателям доверия ко всем субъектам власти и социальным институтам отмечается однозначный рост по сравнению с 2023 годом, показатели имеют значимое увеличение, что говорит о действительно эффективных действиях по созданию благоприятного климата,

стимулирующего рост доверия в молодежной среде.

Показатели, выводящие нас на возможность судить об ориентации молодежи на высокую продолжительность жизни, хотя и имеют положительную динамику, но она настолько незначительна, что трудно говорить о реальном и целенаправленном воздействии на них – скорее всего это просто годовые колебания, которые могут быть исключены в последующих замерах – но данная позиция является одной из самых важных и системных, так как представляет собой «лакмусовый индикатор» в отношении рефлексии реального качества жизни, образа пожилого человека, а также оценки жизненной перспективы и возможностей для молодежи.

Неизменными остаются показатели вовлеченности молодежи в спорт – и здесь, наверное,

стоит обратить внимание на то, что данная задача является национальным ориентиром и имеет под собой управляемый ресурс, в том числе в виде воздействия со стороны образовательных организаций – таким образом, положительная динамика здесь однозначно возможна.

Увеличен показатель отличной оценки качества окружающей среды – его динамика достаточна, чтобы выдвинуть предположение о целенаправленной работе в этом отношении, решении локальных проблем, связанных с отходами, загрязнением и другими проблемными индикаторами. И молодежь в этом отношении выступает как носитель общественного мнения, что позволяет говорить о высокой оценке ситуации и со стороны регионального населения.

Практически без изменений остаются образовательные диспозиции молодежи, хотя ориентация на высшее образование несколько снизилась – на это стоит обратить внимание как на отдельную задачу профессиональной ориентации со стороны региональных органов управления молодежной политикой.

В плане работы с талантами есть видимое улучшение ситуации – группа, которая была предоставлена сама себе в плане самораскрытия, значимо уменьшилась, что может говорить о целенаправленных мерах в отношении решения этого вопроса (хотя ввиду существования организованной системы мероприятий, такие уменьшения могли быть более значительными).

Происходит некоторое снижение волонтерского ресурса и волонтерской вовлеченности – оно не настолько велико, чтобы делать выводы о неэффективности мероприятий в этой области, но оно однозначно говорит, что существующие предложения со стороны молодежной политики данный ресурс не увеличивают, необходим поиск новых форм вовлечения, мотивации реальных и потенциальных волонтеров.

Отмечается волновая динамика в показателях духовных диспозиций – необходим поиск более эффективных форм работы с духовностью, которые можно было бы связать с повышением интериоризации традиционных ценностей (где отмечены определенные проблемы), в том числе и с ценностями служения, которые могут быть интериоризованы, как правило, через командные и коллективные формы работы, личные зоны ответственности молодежи. Особого внимания заслуживают невысокие показатели интериоризации такой ценности, как служение отечеству – она является операциональным индикатором патриотизма и показывает рассогласование в оценке среди молодежи (так, для региональной молодежи показатель патриотизма составляет порядка 94%) и реальным отражением тех ценностных состояний, которые его характеризуют (56,7%).

Трансформировалась культурная карта молодежи, и как первый компонент в ней в 2024 году фигурирует спортивный досуг – это по-прежнему самоорганизационная форма, но она однозначно выводит молодежь на другой уровень досугово-го потребления (в отличии от гастрономического досуга). Такие трансформации необходимо поддерживать и определить направления дальнейших изменений, полезных для региона, позволяющих влиять на формирование нужных ценностей, ориентиров и дальнейших жизненных стратегий (в том числе связанных и с командными формами взаимодействия в военно-патриотических сменах).

Результатом целенаправленных действия можно считать и улучшение качества городского пространства, что нашло отражение в динамике отличных оценок его среди молодежи – отмечается значительный прирост данного показателя, что может повлиять и на досуговые, и на миграционные стратегии молодежи.

Фактически не меняется инвестиционная привлекательность региона для молодежи, и здесь мы имеем дело с общей оценкой социально-экономической региональной системы, а также косвенным отражением приверженности и региональной идентичности.

Можно сделать вывод, что в целом результаты, которые показывают социальные стратегии молодежи, и их отражение на достижении ключевых показателей эффективности органов управления молодежной политикой, скорее можно оценить как положительные, но их нельзя назвать прорывными и целенаправленно достигнутыми, что говорит о не разработанной системе планирования влияния на данные показатели со стороны всех органов регионального управления. Одновременно стоит подчеркнуть и потенциал такого планомерного воздействия, который будет реализован уже в конкретных жизненных планах и решениях молодежи.

В качестве предложений и рекомендаций по итогам проведенного анализа и выявленных проблем, можно высказать следующее:

- для укрепления научно-методической основы управления молодежной политикой региона рекомендуется создание рабочей междисциплинарной группы по расчету прогнозируемых региональных эффектов, исходя из получаемых показателей социальных стратегий, прямо или косвенно влияющих на региональные показатели эффективности (создание прогнозных моделей);

- исходя из проведенных прогнозных расчетов необходимо осуществить планирование нормативных (желательных) значений по основным индикаторным показателям стратегий молодежи региона, установив вероятностные значения достижений в ближайшей и долгосрочной перспективе (ежегодное планирование, планирование на срок 3–5 лет);

– исходя из существующих проблемных значений и установленных планов, органы управления молодежной политикой региона могут разработать дорожные карты поддержки и координации достижения искомым значений показателей, отраженных в социальных стратегиях молодежи;

– для усиления социальных эффектов и консолидации усилий есть необходимость создания межведомственных проектных команд по достижению наиболее значимых показателей (особенно в отношении косвенных индикаторов социальных стратегий молодежи).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Молодежная политика в системе формирования гражданской идентичности современной молодежи / Ростовская Т. К., Бугаев А. В., Петрова Т. Э., Пойманова З. И., Быкадоров Ю. Г., Кочетков А. В., Виноградова М. В., Никополец-Такигава Г. Ю., Шимановская Я. В., Перфильев Ю. С. Коллективная монография. Москва, 2018. 198 с. ISBN 978-5-7139-1349-6. EDN YWCEBA.
2. Кочетков А. В., Новикова Т. В., Попова О. В., Соколова Д. А. 30 лет государственной молодежной политике Российской Федерации. Москва, 2022. ISBN 978-5-7151-0590-5. EDN LYIXEO.
3. Камалова М. И., Соловьев А. И. Государственная молодежная политика: проблемы и траектории развития в современной России // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 83. С. 62–83. DOI 10.24411/2070-1381-2020-10109. EDN MDYYRK.
4. Кочетков А. В. Новые ориентиры государственной молодежной политики заданы президентом России // В сборнике: 30 лет государственной молодежной политике Российской Федерации. Москва, 2022. С. 335–338. EDN PPSXRB.
5. Кочетков А. В. Государственная молодежная политика: поиск интегративной модели управления // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 3. С. 120–135. DOI 10.19181/pko.2023.29.3.7. EDN XYTXEY.
6. Ростовская Т. К. Три кита управления государственной молодежной политикой в современной России. Том 1. Москва, 2014. 192 с. EDN UDGNVB.
7. Зубок Ю. А., Ростовская Т. К., Смакотина Н. Л. Молодежь и молодежная политика в современном российском обществе. Москва, 2016. 166 с. ISBN 978-5-905790-16-4. EDN VSHACV.
8. Ростовская Т. К., Князькова Е. А. Молодежная политика в современной России. Москва, 2020. 155 с. ISBN 978-5-534-13287-8 EDN AORBEF
9. Захарова И. В., Селезнёв Д. О. Цели и принципы региональной молодежной политики // Парадигмы управления, экономики и права. 2023. № 3 (9). С. 14–24. EDN KFZEYW.
10. Шаповалова И. С., Маликова Е. В. Реализация государственной молодежной политики в России: региональный аспект // Теория и практика общественного развития. 2018. № 6 (124). С. 22–26. DOI 10.24158/tipor.2018.6.4. EDN URNQNU.
11. Шаповалова И. С. Проблемы реализации государственной молодежной политики в рефлексии региональной молодежи // Регионология. 2021. Т. 29, № 4 (117). С. 902–932. DOI 10.15507/2413-1407.117.029.202104.902-932. EDN SJMMSI.
12. Дидковская Я. В., Трынов Д. В., Масоров С. Д. Проблема конструктивности политического участия молодежи в современных российских условиях // Вопросы управления. 2022. № 6 (79). С. 22–34. DOI 10.22394/2304-3369-2022-6-22-34. EDN SEVSWY.
13. Алейников А. В., Мальцева Д. А., Тузова П. Р. Аудит экосистемы молодежной политики в Российской Федерации в условиях цифровизации: риск-рефлексивный подход (Часть 1) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2023. Т. 19, № 1. С. 133–144. DOI 10.21638/spbu23.2023.109. EDN GHAIUE.
14. Хаирова М. М. Рекомендации по совершенствованию управления молодежной политикой на региональном уровне КБР // Вестник науки. 2023. Т. 2, № 12 (69). С. 859–865. EDN NFWDDQF.
15. Timóteo W., De Matos Oliveira I. The absence of public policies for youth as an offense to human rights // Revista Brasileira de Políticas Públicas. 2021. Vol. 11, № 1. Pp. 419–431. DOI 10.5102/RBPP.V11I1.6628.
16. Martínez-Reyes A., Navarro-Pérez J. J. Obstacles to achieve the SDGS in El Salvador. Youth policies, young gangs and NGOs: A complex analysis // Iberoamerican Journal of Development Studies. 2020. Vol. 9, № 1. Pp. 28–51. DOI 10.26754/OJS_RIED/IJDS.444. EDN YYIZSN
17. Snellinger A. From (Violent) Protest to Policy: Rearticulating authority through the National Youth Policy in post-war Nepal // Modern Asian Studies. 2018. Vol. 52, № 3. Pp. 1043–1075. DOI 10.1017/S0026749X16000937.
18. Nikiporets-Takigawa G., Youth and youth policy in the UK: Post-brexite view // Sovremennaya Evropa. 2018. № 1. Pp. 47–58. DOI 10.15211/soveurope120184758. EDN YULCWH.
19. Hlungwani P., Masuku S., Magidi M. Mainstreaming youth policy in Zimbabwe - what role for rural youth? // Cogent Social Sciences. 2021. Vol. 7, № 1. DOI 10.1080/23311886.2021.1893907. EDN CPXMDA.

20. Mertanen K., Pashby K., Brunila K. Governing of young people 'at risk' with the alliance of employability and precariousness in the EU youth policy steering // *Policy Futures in Education*. 2020. Vol. 18, № 2. Pp. 240–260. DOI 10.1177/1478210319838666.
21. Rocha E., Costa J., Silva C. B. E., Posthuma A., Caruso L. A. Different Types of vulnerabilities among Youth that Do Not Work or study: What Public Policies are suitable for this Group? // *Novos Estudos CEBRAP*. 2020. Vol. 39, № 3. Pp. 545–562. DOI 10.25091/S01013300202000030005. EDN SXBTGY.
22. Hueso A., Boni A., Belda-Miquel S. Perspectives and policies on disadvantaged youth in Spain: An analysis using the capability approach // *Revista Espanola de Investigaciones Sociologicas*. 2015. 152. Pp. 47–64. DOI 10.5477/cis/reis.152.47. EDN RVISCB.
23. Vidal S., Connell C. M., Prince D. M., Tebes J. K. Multisystem-Involved Youth: A Developmental Framework and Implications for Research, Policy, and Practice // *Adolescent Research Review*. 2019. Vol. 4, № 1. Pp. 15–29. DOI 10.1007/s40894-018-0088-1. EDN TVJWIU.
24. Haikkola L. Shaping activation policy at the street level: Governing inactivity in youth employment services // *Acta Sociologica (United Kingdom)*. 2019. Vol. 62, № 3. Pp. 334–348. DOI 10.1177/0001699318784341.
25. Hora O., Horáková M., Sirovátka T. Diversity of youth policy regimes and early job insecurity - towards an integrated approach // *Youth Unemployment and Job Insecurity in Europe: Problems, Risk Factors and Policies*. 2019. Pp. 138–157. DOI 10.4337/9781788118897.00014.
26. Chalhi S., Koster M., Vermeulen J. Assembling the Irreconcilable: Youth Workers, Development Policies and 'High Risk' Boys in the Netherlands // *Ethnos*. 2018. Vol. 83, № 5. Pp. 850–867. DOI 10.1080/00141844.2017.1362452.
27. Davidson E., Carlin E. «Steeling» Young People: Resilience and Youth Policy in Scotland // *Social Policy and Society*. 2019. Vol. 18, № 3. Pp. 479–489. DOI 10.1017/S1474746419000095.
28. Mazzoni D., Cicognani E., Cifatte C., Zani B., Floresta L. Italian young people through the Lens of Youth Policies // *Socialni Studia / Social Studies*. 2018. Vol. 15, № 2. Pp. 75–96. DOI 10.5817/soc2018-2-75.
29. Jessee C., Moore A. M., Olenik C., Trevelline C. P., Taggart N. Listening to youth through 17 cross-sectoral youth assessments: Implications for programming and policy // *Journal of Youth Development*. 2021. Vol. 16, № 2-3. Pp. 20–54. DOI 10.5195/JYD.2021.1046. EDN ITYCEJ.
30. Walther A., Lüküslü D. G., Loncle P., Pais A. Regimes of Youth Participation? Comparative Analysis of Youth Policies and Participation across European Cities // *Young*. 2021. Vol. 29, № 2. Pp. 191–209. DOI 10.1177/1103308820937550. EDN BPECGR.
31. Шаповалова И. С., Заводян И. С. Молодежное социоселфи: социальные стратегии региональной молодежи // *Регионология*. 2024. Т. 32, № 4 (129). С. 768–792. DOI 10.15507/2413-1407.129.032.202404.768-792. EDN ZBBIWU.
32. Кисиленко А. В., Шаповалова И. С. Проектирование жизненного пути, или Каким молодежь видит свое будущее? // *Социологические исследования*. 2023. № 2. С. 83–94. DOI 10.31857/S013216250024385-6. EDN ODCAGO.
33. Шаповалова И. С. Самооценка материального положения и социальные стратегии молодежи // *Наука. Культура. Общество*. 2023. Т. 29, № 3. С. 150–163. DOI 10.19181/nko.2023.29.3.9. EDN KVLEGK.

REFERENCES

1. Rostovskaya, T. K., Bugaev, A. V., Petrova, T. E., Poimanova, Z. I., Bykadorov, Yu. G., Kochetkov, A. V., Vinogradova, M. V., Nikoporets-Takigawa G. Yu., Shimanovskaya, Ya. V., Perfil'e , Yu. S. (2018). *Youth Policy in the System of Formation of Civil Identity of Modern Youth*. Moscow, 198 p. ISBN 978-5-7139-1349-6. <https://elibrary.ru/ywceba>.
2. Kochetkov, A. V., Novikova, T. V., Popova, O. V., Sokolova, D. A. (2022). *30 Years of State Youth Policy of the Russian Federation*. Moscow, 340 p. ISBN 978-5-7151-0590-5. <https://elibrary.ru/lyixeo>.
3. Kamalova, M. I., Soloviev, A. I. (2020). State youth policy: problems and ways of development in modern Russia. *Public Administration. E-journal (Russia)*, (83), pp. 62–83. <https://doi.org/10.24411/2070-1381-2020-10109>. <https://elibrary.ru/mdyyrk>.
4. Kochetkov, A. V. (2022) New guidelines for state youth policy set by the President of Russia. *In the collection: 30 years of state youth policy of the Russian Federation*. Moscow, pp. 335–338. <https://elibrary.ru/ppsxrb>.
5. Kochetkov, A. V. (2023) State youth policy: search for an integrative model formation. *Science. Culture. Society*, 29 (3), pp. 120–135. <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.7>. <https://elibrary.ru/xytxey>.
6. Rostovskaya, T. K. (2014) Three pillars of state youth policy management in modern Russia. 1. Moscow, 192 p. <https://elibrary.ru/udgnvb>.
7. Zubok, Yu. A., Rostovskaya, T. K., Smakotina, N. L. (2016) Youth and youth policy in mod-

- ern Russian society. Moscow, 166 p. ISBN 978-5-905790-16-4. <https://elibrary.ru/vshacv>.
8. Rostovskaya, T. K., Knyazkova, E. A. (2020) Youth policy in modern Russia. Moscow, 155 p. <https://elibrary.ru/aorbef>.
 9. Zakharova, I. V., Seleznev, D. O. (2023) Goals and principles of regional youth policy. *Paradigms of management, economics and law*, 3 (9), pp. 14–24. <https://elibrary.ru/kfzeyw>.
 10. Shapovalova, I. S., Malikova, E. V. (2018) Implementation of state youth policy in Russia: regional aspect. *Theory and practice of social development*, (6), pp. 22–26. <https://doi.org/10.24158/tipor.2018.6.4>. <https://elibrary.ru/urnqnu>.
 11. Shapovalova, I. S. (2021) Problems of Implementation of the State Youth Policy in the Reflection of Regional Youth. *Regionology = Russian Journal of Regional Studies*, 29 (4), pp. 902–932. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.117.029.202104.902-932>. <https://elibrary.ru/sjmmsi>.
 12. Didkovskaya, Ya. V., Trynov, D. V., Masorov, S. D. (2022) The problem of constructiveness of the youth political participation in the modern Russian conditions, *Management Issues*, (6), pp. 22–34. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2022-6-22-34>. <https://elibrary.ru/sevswy>.
 13. Aleinikov, A. V., Maltseva, D. A., Tuzova, P. R. (2023) Audit of the youth policy ecosystem in the Russian Federation in the context of digitalization: A risk-reflexive approach (part 1). *Political Expertise: POLITEX*, 19(1), pp. 133–144. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.109>. <https://elibrary.ru/ghaiue>.
 14. Khairova, M. M. (2023) Recommendations for improving youth policy management at the regional level of the KBR. *Science Bulletin*, 2 (12), pp. 859–865. <https://elibrary.ru/nfwdqf>.
 15. Timoteo, W., De Matos Oliveira, I. (2021) A ausência de Políticas Públicas para a juventude como ofensa aos Direitos Humanos. *Revista Brasileira de Políticas Públicas*, 11 (1), pp. 419–431. <https://doi.org/10.5102/RBPP.V11I1.6628>.
 16. Martinez-Reyes, A., Navarro-Perez, J. J. (2020) Obstacles to achieve the SDGs in El Salvador. Youth policies, young gangs and NGOs: A complex analysis. *Iberoamerican Journal of Development Studies*, 9 (1), pp. 28–51. https://doi.org/10.26754/OJS_RIED/IJDS.44. <https://elibrary.ru/yyizsn>.
 17. Snellinger, A. (2018) From (Violent) Protest to Policy: Rearticulating authority through the National Youth Policy in post-war Nepal. *Modern Asian Studies*, 52 (3), pp. 1043–1075. <https://doi.org/10.1017/S0026749X16000937>.
 18. Nikiporets-Takigawa, G. (2018) Youth and youth policy in the UK: Post-brexite view. *Contemporary Europe*, (1), pp. 47–58. <https://doi.org/10.15211/soveurope120184758>. <https://elibrary.ru/yulewh>.
 19. Hlungwani, P., Masuku, S., Magidi, M. (2021) Mainstreaming youth policy in Zimbabwe – what role for rural youth? *Cogent Social Sciences*, 7 (1). <https://doi.org/10.1080/23311886.2021.1893907>. <https://elibrary.ru/cpxmda>.
 20. Mertanen, K., Pashby, K., Brunila, K. (2020) Governing of young people ‘at risk’ with the alliance of employability and precariousness in the EU youth policy steering. *Policy Futures in Education*, 18(2), pp. 240–260. <https://doi.org/10.1177/1478210319838666>.
 21. Rocha, E., Costa, J., Silva, C. B. E., Posthuma, A., Caruso, L. A. (2020) Different Types of vulnerabilities among Youth that Do Not Work or study: What Public Policies are suitable for this Group? *Novos Estudos CEBRAP*, 39 (3), pp. 545–562. <https://doi.org/10.25091/S01013300202000030005>. <https://elibrary.ru/sxibtgy>.
 22. Hueso, A., Boni, A., Belda-Miquel, S. (2015) Perspectives and policies on disadvantaged youth in Spain: An analysis using the capability approach. *Revista Espanola de Investigaciones Sociologicas*, 152, 47–64. <https://doi.org/10.5477/cis/reis.152.47>. <https://elibrary.ru/rviscb>.
 23. Vidal, S., Connell, C. M., Prince, D. M., Tebes, J. K. (2019) Multisystem-Involved Youth: A Developmental Framework and Implications for Research, Policy, and Practice. *Adolescent Research Review*, 4 (1), pp. 15–29. <https://doi.org/10.1007/s40894-018-0088-1>. <https://elibrary.ru/tvjwui>.
 24. Haikkola, L. (2019) Shaping activation policy at the street level: Governing inactivity in youth employment services. *Acta Sociologica (United Kingdom)*, 62 (3), pp. 334–348. <https://doi.org/10.1177/0001699318784341>.
 25. Hora, O., Horakova, M., Sirovatka, T. (2019) Diversity of youth policy regimes and early job insecurity - towards an integrated approach. *Youth Unemployment and Job Insecurity in Europe: Problems, Risk Factors and Policies*, pp. 138–157. <https://doi.org/10.4337/9781788118897.00014>.
 26. Chalhi, S., Koster, M., Vermeulen, J. (2018) Assembling the Irreconcilable: Youth Workers, Development Policies and ‘High Risk’ Boys in the Netherlands. // *Ethnos*, 83 (5), pp. 850–867. <https://doi.org/10.1080/00141844.2017.1362452>.
 27. Davidson, E., Carlin, E. (2019) “Steeling” Young People: Resilience and Youth Policy in Scotland. *Social Policy and Society*, 18 (3), pp. 479–489. <https://doi.org/10.1017/S1474746419000095>.
 28. Mazzoni, D., Cicognani, E., Cifatte, C., Zani, B., Floresta, L. (2018) Italian young people through the Lens of Youth Policies. *Social Studies*, 15 (2), pp. 75–96. <https://doi.org/10.5817/soc2018-2-75>.
 29. Jessee, C., Moore, A. M., Olenik, C., Trevelline, C. P., Taggart, N. (2021) Listening to youth through 17 cross-sectoral youth assessments:

- Implications for programming and policy. *Journal of Youth Development*, 16 (2-3), pp. 20–54. <https://doi.org/10.5195/JYD.2021.1046>. <https://elibrary.ru/itycej>.
30. Walther, A., Lukuslu, D. G., Loncle, P., Pais, A. (2021) Regimes of Youth Participation? Comparative Analysis of Youth Policies and Participation across European Cities. *Young*, 29 (2), pp. 191–209. <https://doi.org/10.1177/1103308820937550>. <https://elibrary.ru/bpecgr>.
31. Shapovalova, I. S., Zavodyan, I. S. (2024) Youth Social Selfie: Social Strategies of Regional Youth. *Russian Journal of Regional Studies*, 32 (4), pp. 768–792. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.032.202404.768-792>. <https://elibrary.ru/zbbiwu>.
32. Kisilenko, A. V., Shapovalova, I. S. (2023) Designing a life path or how young people see their future? *Sociologicheskie issledovania*, (2), pp. 83–94. <https://doi.org/10.31857/S013216250024385-6>. <https://elibrary.ru/odcago>.
33. Shapovalova, I. S. (2023) Self-assessment of material situation and social strategies of youth. *Science. Culture. Society*, 29 (3), pp. 150–163. <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.9>. <https://elibrary.ru/kvlegk>.